

РЕЧЕЦАНГ

Сборник Алексия Сандрин Ренессанс

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68728437

Ренессанс : сборник прозы и поэзии / сост. Алексия Сандрин: Четыре;

Санкт-Петербург; 2023

ISBN 978-5-907654-07-5

Аннотация

Ренессанс – величайшая культурно-историческая эпоха, заложившая основы новой европейской культуры. На страницах альманаха возрождаются ценности духовного развития общества: любовь и верность, красота взаимоотношений, честь и достоинство, дружба и чувство долга. Сборник «Ренессанс» предлагает читателям вспомнить о них, ознакомившись с романтической прозой и поэзией, увлекательной драмой и публицистикой, а также с интересными фантастическими рассказами авторов, наполненными душевной теплотой и искренностью.

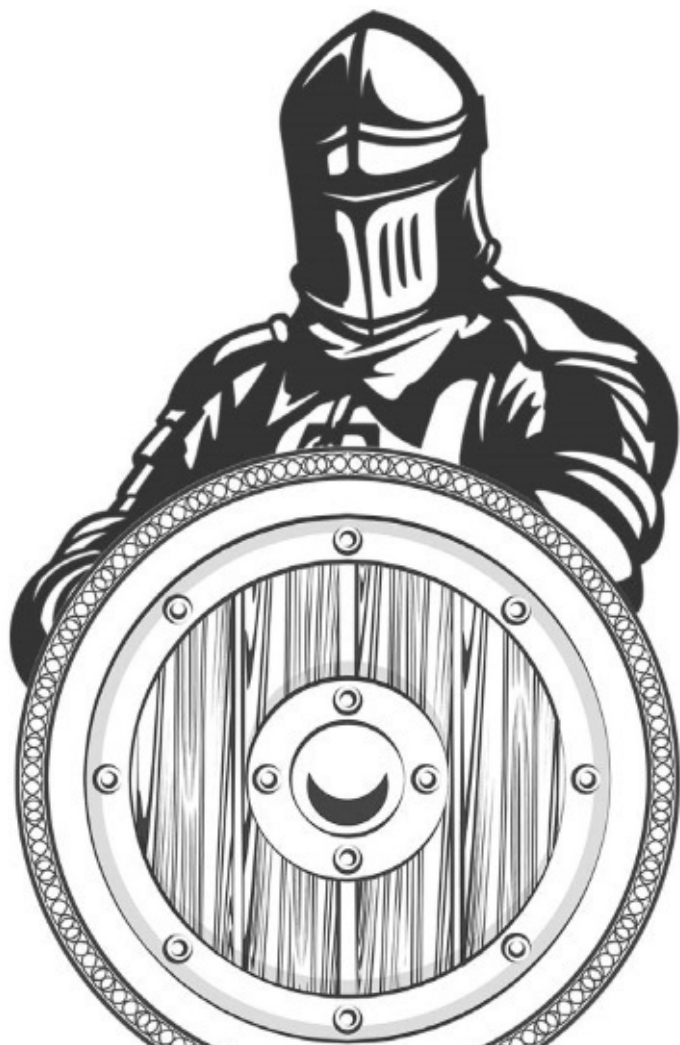
Содержание

Анна Агиева	8
Байба[1]	11
Осень и папин сюрприз	17
Принцесса	22
Детектив Варька	25
Ирина Бабина	33
Неразделенная любовь	36
Легенда о лотосе	37
«Хотела рядом сильное плечо...»	38
«Ах, море! Вчера только было спокойно...»	40
Наталия Белостоцкая	42
Катти Сарк[2]	45
Альфред Бодров	56
Фаворитка в опале, или Вторая роль Адели	59
Николай Будаев	66
«Татьяна! Милое создание!...»	69
Шумела роща золотая	71
«Багряная осень рисует сюжеты...»	72
Ольга Бурыгина	74
Ночь полярная на убыль	77
Где же март-менестрель?	78
Пока дышу, надеюсь	80
Девочка и мальчик	81

Интеллигенция	83
Игорь Вайсман	87
Свидание	90
Алина Весенняя	101
Чёрное море и немного красной помады	104
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Ренессанс

Сборник прозы и поэзии

Составитель Алексия Сандрин

издательство

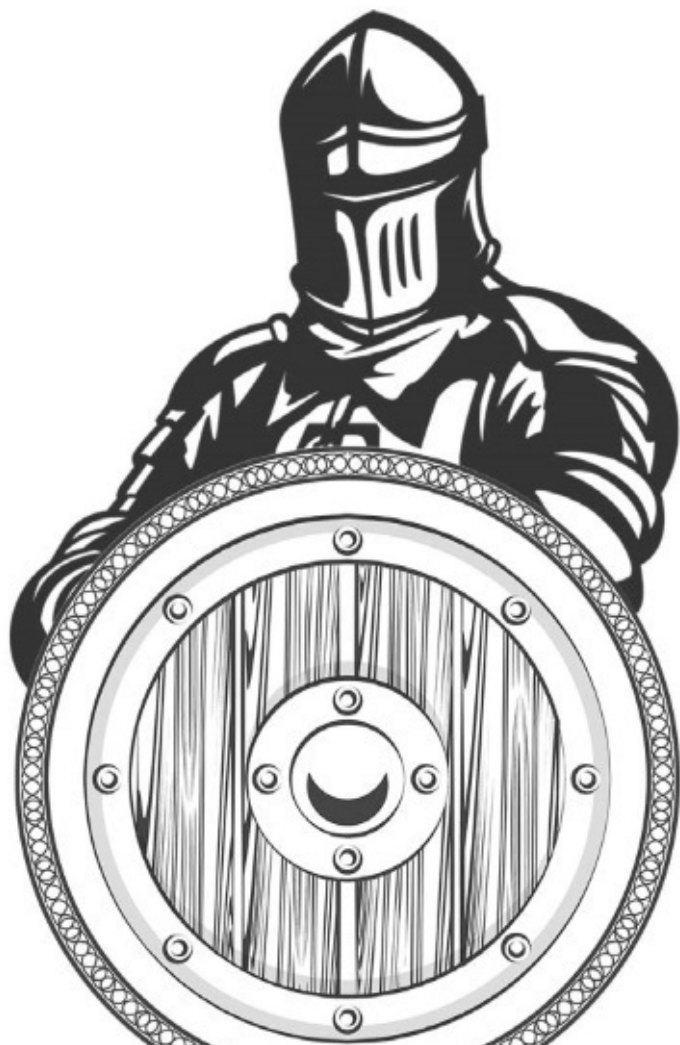
ЧЕТЫРЕ

© Издательство «Четыре», 2023

Анна Агиева

Родилась и проживает в г. Уфе. Окончила Башкирский государственный педагогический университет по специальности «преподаватель дошкольной педагогики и психологии». Писать начала в студенчестве. Анна впервые представила читательской публике свои произведения летом 2018 года в социальной сети «ВКонтакте». Тогда же появилась серия рассказов о Варьке и другие произведения. Ее рассказы размещены на издательских платформах «ЛитРес», «Литнет» и «Литмаркет», в электронной библиотеке современной литературы Author Today. Неожиданно для себя стала писать рассказы в жанре триллера, от сюжетов которых невозможно оторваться.

Байба¹

– Ну ма-а-а-ама-а-а! Не хочу горячую воду! – громко и пронзительно, как пожарная сирена, голосила на две ноты Варька.

Варьке четыре года. Одной рукой она намертво прижала к себе полностью покрытую грязью тряпичную куклу, а другой вот уже минут пять размазывает по лицу эту же грязь, только разбавляя ее время от времени то соплями, то слезами.

Короче. Играть с девочками в куклы – занятие не для слабонервных. Все хотят быть мамами. Это понятно. Все хотят. А кто будет? Есть способ как-то решить эту задачу? Конечно, есть. Но драка уже не помогает.

Что делать? Пра-а-авильно! Мамой будет самая добрая. В итоге предвыборной кампании с большим отрывом победила Варька. Она своим дочкам разрешила все! То есть абсолютно. Куда уж добрее-то?

Но вредная Маринка потребовала гарантий:

– А если дочка в грязь захочет зайти попрыгать?

– Пожалуйста! – великодушно повела левой рукой в сторону густой грязевой лужи добрая «мама».

Доброта победила.

– И мы немножечко попрыгали, – рассказывала потом

¹ Ударение на первый слог.

Варька своей маме. – Немно-о-ожечко! – протянула она утешающим тоном, заглядывая маме в глаза и протягивая к этим же глазам совершенно коричневую руку с вытянутыми указательным и большим пальцами.

Между ними и правда было совсем немножечко места. С локтя отколупывались и тихо падали комочки высохшей грязи.

– Хорош-ш-ш-шо-о... – Мама все еще как-то удерживала себя в некоем дзене. – Вы попрыгали. А Байба твоя почему вся в грязи? Она тоже прыгала с девочками?

– Не-ик... Нет! Ик. – Варька даже заикала от удивления. – Это моя Байба! Она с разными там девочками не скакает. Я прыгала, а она меня ждала.

– Где?!

– Рядышком.

– В луже?

– Ну что ж, я ее где попало, что ли, оставляю? Я же ее не могу далеко положить! Она же плакать будет. И соскучится. И забоится же далеко ждать. Лужа же большая же, ну мама!

И она для убедительности затрясла разведенными в стороны чумазыми руками с растопыренными грязнущими пальчиками.

Вся эта тирада могла обозначать только одно: рядышком – это в луже.

Пока девочка в праведном возмущении трясла «шоколадными» руками, Байба из-под ее локтя снова плюхнулась в грязь.

– Ой. – Варька опустила руки, молча и, как ей казалось, практически незаметно полуприсела, перекосилась те-

лом в сторону лужи и кончиками пальцев подцепила комок жидкой грязи, в который превратилась ее любимица Байба. Потом быстро выпрямилась.

Все это не сводя с мамы самых понимающих и преданных глаз.

Ведь, в сущности, ничего не случилось. Она все та же идеальная, примерная девочка. А с Байбы что возьмешь? И в луже ее тоже не оставишь, так ведь? Ну и... вот.

Мама умоляюще посмотрела куда-то вверх. Дзен ускользал от нее. Поэтому в тихом мамином шипении его уже не было:

– А ну, марш-ш-ш домой!

Варька как-то одной ногой подпрыгнула, мигнула и пошла к дому, на автомате затолкав куклу под мышку. Из-за воротника белела полоска чистой Варькиной шейки. Сама Варька мелко семенила, косолапя серо-буро-малиновыми сандалиями. Из их дырочек выбулькивала склизкая жижа. С ног и рук Байбы шлепались вниз капельки грязи. Глядя на этот маленький апокалипсис, мама сделала брови домиком и, как ни странно, заулыбалась.

А «девочка чумазая» шла, опустив голову с теперь уже неизвестного цвета хвостиками и такими же неопознаваемыми бантиками. И знала, что ничего хорошего ее не ждет.

Мама ох как рассердилась! Ругать будет долго. Мыть горячей водой. Мыло будет лезть везде и щипать ей глаза. И Байбе тоже. Стоп!

– Мама, ты Байбу когда стирать будешь?

Мама молчала несколько секунд. Таких длинных и важных секунд. Было видно, что она просто мечтает проверить нечто воспитательное. Например: «Когда выстираю, тогда и выстираю, у меня дел полно, подождешь – в следующий раз не будешь пачкаться».

Но педагогика педагогикой, а есть же и святые вещи. Мамин дзен был ей дороже педагогики. Да и Варькин тоже.

– Спать будете вместе.

– Ну, горячей так горячей, – примирительно вздохнула Варька.

Р. S. Знайте и цените дзен своих детей!

Осень и папин сюрприз

Все-таки лужи – это здорово! Варька их любила. А на площадке в детском саду была только одна, за верандой. Зато какая! Большая, глубокая, и на дне асфальт. Поэтому – чистая.

Сидя на корточках посреди этого великолепия, Варька осторожно водила растопыренными пальцами по воде. Вода была холодная, но такая прозрачная. Лужа – ровная и блестящая от солнца. Варька не хотела ее взбаламутить.

На лужу тихо спланировал красный лист-звезда. От него пошли медленные круги. Еще один приземлился ей за шиворот. Варька его достала и легонько толкнула по луже к первому. Тот поплыл. Хорошо!

Варька встала, посмотрела на синюю лужу-море, запрокинула голову, а там тоже синее море и много-много листьев-звезд. Она уже знала, что это называется «клен». Красивый. И ей захотелось что-нибудь сделать с этой красотой. Варька сделала букет.

– Варя! – это Лариса Александровна зовет.

Варька пробралась за кусты, которые росли и за верандой, и сбоку от нее. Гусиным шагом приседала как можно дальше от веранды и как ни в чем не бывало появилась рядом с песочницей. Про партизан и опасность провалиться явку им уже читали.

За веранду ходить нельзя. Но Варька планировала. Поэтому с независимым видом шла к Ларисе Александровне. Для нее Варька за кустами веточки собирала. Вот они.

Но Лариса Александровна смотрела не на веточки в руках у Вари, а на ее мокрые резиновые сапожки. Варька покраснела. Лариса Александровна нахмурила брови. Девочка опустила голову. Воспитательница, скрывая улыбку, сказала с укоризной:

– Эх, Варвара, Варвара...

Та вздохнула, рыжее пальтишко в мелкую клеточку поднялось и опустилось. Помпон на шапке повис еще ниже. Было неприятно, что не послушалась, что раскусили, и еще почему-то. Но твердое намерение играть в луже и в следующий раз осталось. Потому что непонятно, что тут такого.

– Иди, за тобой папа пришел.

Варька вскинула голову, посмотрела по сторонам и увидела папу. Внутри как будто взорвался радостный салют. А в животе стало щекотно.

Папа стоял у входа в здание детского сада, а не около площадки. С ним говорила заведующая. И ничего особенного! С ним часто говорила заведующая.

Папа был постоянным гостем в саду: то шкафчик наладит, то канализацию починит, то выключатель сменит. Варька гордилась им. И так любила! Так любила!

Цапнув папу за руку, она прижалась к его локтю. Это было ни с чем не сравнимое чувство: это мой папа! Мой! Такой

большой, сильный, такой спокойный.

Они шли домой через парк. Вот где была красота! Варька поняла, что она очень любит осень. Когда деревья разноцветные. И когда листопад. И когда идешь среди кленов и берез почти по колено в желто-красных лиственных сугробах и шуршишь, шуршишь.

Папа никогда ее не торопил. Просто стоял невдалеке, опершись на одну ногу и наклонив голову набок, слегка улыбался. Курил. И ждал. И в такие моменты она чувствовала, что он ее любит. Это было так естественно: чувствовать папину любовь – как дышать, как смотреть, как пинать ногами осенние листья.

– Ну пойдем, а то дома сюрприз прокиснет, – улыбаясь, сказал папа.

– Какой сюрприз? – Варька даже подпрыгнула от любопытства.

– Маленький, но приятный. – И он протянул ей свою огромную ладонь.

– Ну па-а-а! – заканючила она. – Скажи-и...

Он тихо посмеялся, но промолчал. Дальше канючить не имело смысла. Это Варька уж знала. Поэтому она почти побежала рядом с папой. Почему побежала? Потому что ходил он всегда очень быстро и шаги у него большие, не то что у нее. Почему «почти»? А потому, что бегают она с ним давно и к своим пяти годам натренировалась.

Пришли быстро. По пути обсудили много важных вещей.

Например, как пускать листики по луже, а сапожки не мочить. Или как выходить из-за веранды, не дожидаясь, когда позовет Лариса Александровна, и тут же поиграть в песочнице. Чтобы сапоги не выдали.

Самое интересное, что папа с ней так разговаривал, что Варька сначала сама ему про лужу и воспитательницу все рассказала, а потом сама же догадалась, что делать, чтобы не попадаться.

Рядом с папой она чувствовала себя такой умной.

Вот и их двор. Сразу за калиткой росла большая рябина. Весь август Варька ходила в оранжевых и красных бусах, поясах, браслетах и даже диадемах. Собственного производства. Производила все это она с большим удовольствием и старанием. И обилием. Бижутерией были обеспечены все соседи и, за неимением на их маленькой улице девочек, все мальчишки тоже.

Варька заулыбалась. Хорошо было. Очень хорошо.

– Ты домой-то идешь? – спросил папа.

Оказывается, она застыла, глядя на роскошную рябину.

Ой, сюрприз же! А она и забыла.

Быстро разулась, повесила на крючок пальто и шапку. И встала вся готовая.

– Где сюрприз?

– А вон там, за печкой посмотри.

Варька жила очень радостно. Конечно, она не думала никогда, счастлива она или нет, не размышляла. Только слы-

шала от взрослых такое слово, и все.

Но глядя на этот сюрприз, она так обрадовалась, так сильно обрадовалась! Никогда ей не было так... так... Надо спросить у папы, как это называется.

– Папа, это счастье, да? – прошептала Варька, зарывшись носом в серо-полосатый пушистый комок в ее руках.

– Тебе виднее, Варюшка, тебе виднее, – улыбался папа.

Принцесса

*Погода была ужасная.
Принцесса была прекрасная.
В четверг, во втором часу...*

Ну, дальше все помнят...

Погода и правда была мерзопакостная. А сказать, что Принцесса заблудилась, нельзя, потому что выгнали Ее Высочество. Вы-гна-ли.

– Да понятное дело, – скажете вы, – мачеха есть мачеха.

Ах, если бы... Юную Принцессу выгнала из дома родная мать. Так и сказала: «Уходи с глаз моих!»

Будто Вселенная перевернулась и земля ушла из-под ног красавицы. Вскинула она соболиные брови, взмахнула длиннющими черными как смоль ресницами и посмотрела на мать своими прекрасными, полными слез глазами.

А матушка стояла грозная и неприступная. Даже красная стала от злости.

Опустила Принцесса голову, свесились до самой земли ее длинные косы. И пошла она куда глаза глядят. Беда застила-ла дорогу. Горько плакало ее сердечко. Принцесса вытирала косами слезы.

Шла она, шла и пришла в лес густой и темный. Деревья роняли сучья, что-то шептали, а иногда наклоняли свои стволы к ее головке, украшенной золотым обручем с жем-

чужными подвесками.

Начал моросить дождь. С неба, как бисер по шелковой ниточке, тихо скользили-опускались дождевики. Около самой земли они вдруг превращались в острые блестящие иголки и пронзали землю. Дождь въедался в землю и в красивый плащ Принцессы.

Она вздохнула.

– Так и умру тут одна-одинешенька, – сказала, уже с трудом передвигая ножки в туфельках с серебряными пряжками и золотыми каблуками. – А потом (всхлип) деревья позовут гномов. А гномы положат меня на красивую (всхлип) лежанку и позовут ма-а-аму. Мама придет, увидит, что я мертвая, и заплачет сильно-сильно. Скажет...

Бедняжка снова споткнулась и всхлипнула.

– Скажет: «Доченька, и зачем я тебе выгнала? Зачем поругала?!» А я скажу...

– Как же ты скажешь, если мертвая лежишь? – раздался удивленный мамин голос. – Это ж надо придумать – все лицо вымазала! Кто тебе разрешил мою косметику трогать?! А ну-ка, марш умываться!

Варька поплелась к двери. Опять громко, с подвыванием всхлипнула.

– Да не реви, не реви. Подумаешь, в угол ее поставили! Как умоешься, убери свой бардак, развела дома черте что! Не маленькая уже – шесть лет лошадушке!

«Лошадушка», тихонько закрывая дверь, мазанула по ще-

кам остатки слез. Последнее, что она услышала, было:

– Иними наконец с головы эти колготки. Всю «прическу» тушью извозякала!

Варька вздохнула, достала из кармана маленькое зеркальце и посмотрела на себя: Принцесса!

Детектив Варька

Варька нагулялась и шла домой. На родной улице среди деревянных домов было прохладно. Тихий августовский вечер не предвещал ничего плохого. Но на крыльцо вышла мама. И Варька поняла, что все хорошее на сегодня закончилось.

– Идешь? – Мама говорила тихо, почти спокойным голосом.

Вслед за ней появился и папа. Да, похоже, и завтра ничего хорошего не будет. Вот только почему?

А мама сложила руки на груди и уже не спрашивала – утверждала:

– Идешь. А Маришка где?

– Дома, наверное, где же еще?

Ноги сами понесли ее к двери, но там стояла мама и уходить с дороги не собиралась.

– Утром ты ушла из дома с сестренкой. Я тебе велела за ней смотреть. А ты возвращаешься одна. Где Маришка?

И тут Варька вспомнила: «Да, уходили же вместе. А... а где?.. А и правда, где она?» И девочка даже осмотрелась вокруг, как будто Маришка могла вот сию же секунду вдруг появиться рядом. Как будто она стоит где-то тут в своей вечной панамке с арбузиками, в увешанном значками платице и, как всегда, что-то грызет. Пряник, наверное. Она без НЗ

из дома ни ногой.

Но Маришки не было.

Варька шумно и длинно шепотом втянула ртом воздух: «А-а-а». А утром – была. И днем – была. А потом – она не помнит.

– Иди и ищи, раз потеряла!

И Варька пошла. А куда идти-то? Вздохнув, пошла, откуда пришла – к девятиэтажкам. По пути пыталась вспомнить по порядку весь длинный-предлинный летний день.

Сначала они с Маришкой пришли на ближнюю детскую площадку. Там везде ползали и на всем покатались. Потом громко кричали: «О-ля, Ка-тя, О-ля, Ка-тя!» – чтобы те вышли. Но сначала вышла злая бабушка из первой квартиры, а потом только Оля и Катя.

Маришке понравилось и кричать, и убегать от строгой бабушки, и бросать мелкие камушки в уже Светкины окошки. Пока вызванные девочки собирались, две сестренки сгоняли на лифте и позвали еще и Наташку.

Когда почти вся компания собралась во дворе, площадка была облажена, обкатана, все частушки пропеты и стихи продекламированы. Громко. Часто хором. А Маринка про «идет по крыше воробей» выучила. Она уже много стихов знала, два с половиной года как-никак.

Выучила. Значит, тогда она еще была.

На горке в этом дворе мама кататься не разрешала. «У вас трусы от нее ржавые», – говорила она. Поэтому с горки по-

шли кататься в другой двор. Где Маришка свои трусы все-таки «проржа́вела». Варька еще сказала всем, что надо идти стирать, менять.

Но... но она вообще-то всего-то два раза только прокатилась! Два! Поэтому ноги ее уже бежали туда, на горку. Вот она взлетела по ступенькам на самый верх горы. Маринка внизу. Еще тут.

Варька вспомнила, что Людка, еще одна девочка, которая пришла позже, кричала ей снизу: «Варь-ка! Варь-ка! Можно я Маринку возьму поиграть?» – «Можно!» – на весь двор счастливо крикнула ответственная старшая сестрица и лихо съехала с горы. А потом еще. И еще. И еще. Вверх, вниз, одна, вдвоем с Катькой, вдвоем с Олькой, втроем паровозиком, вчетвером, по очереди.

Мелькают свежеиспачканные в гудроне и краске коленки, развеваются ситцевые платья, «ржа́веют» трусы.

А потом играли в магазин. Так хорошо играли! Никто не мешал. Стоп! И на горке никто не мешал. Значит, уже тогда Маришки не было. Так Людка же забрала. Вот! Вот где сестренка. И Варька помчалась к Людке. Солнце уже было у горизонта.

Она, запыхавшись, подбежала к пухлой черной двери Людкиной квартиры. Пахло дерматинном. У Варьки колело в боку. Она встала на цыпочки и нажала кнопку звонка. Дверь открылась почти сразу же. Там стоял Людкин дедушка. Был слышен голос диктора в телевизоре.

– Здравсьте! А Люда дома? – задала Варька сакраментальный вопрос.

– Дома. Люська! – гаркнул дед.

Людка припрыгала на скакалке и, не переставая скакать, спросила:

– Чего тебе?

– Маринка где?

Людка остановилась, и у нее стало такое лицо, как у Варьки, когда она вспоминала: «А-а-а, там же еще когда-то сестренка была...»

– А я не знаю. Мы поиграли, и я ее Ольке отдала.

– Как отдала? Кто разрешил? Это моя сестренка! – сердито сказала Варвара Людке.

– Ну и че даешь тогда? – безразлично пожала та плечами. – Маринка сама захотела поиграть с Олькой. Вот пусть она и спрашивает тогда.

Кто «она»? Почему «она»? Ай! Сейчас не до этого! Варька вихрем сорвалась с места и, на ходу крикнув Людке: «Дура!», умчалась в закат.

И вот она уже подпрыгивает у Олькиной и Катькиной двери. Эх, звонок высоко! А стучать их мама не разрешает. Это некультурно. За некультурное поведение гостей мама своих дочек наказывает, а гостей отлучает от дома.

А там, наверное, Маришка сидит в чужой квартире и домой хочет... Она же домашняя, одна нигде никогда не была. Даже у бабушки за Варькой все время как хвостик ходит

и спит там только с Варей. Всегда!

Варька потопталась, решительно вздохнула и постучала. Костяшками пальцев по мягкой двери. Пф-ф! Даже ей не слышно. Ну ладно. И она забарабанила кулаком. Дверь открыла величественная Ангелина Андреевна. И та-ак посмотрела на Варьку!

Спустя десять лет, уже переехав в пятиэтажку, Варька с таким же выражением лица будет смотреть на внезапно появившихся у них тараканов. Противно, но неотвратимо. У Вари с Ангелиной Андреевной это было взаимно.

– Здравствуйте! А Олю можно?

– Нельзя. – И дверь закрылась.

Девочка поморщилась. Захотелось разреветься. Сердце бухало так, будто по нему саданули этой самой дверью. Нет, ну всему же есть границы! Даже взрослой Олькиной маме.

Варька поджала губы, решительно развернулась спиной к двери, уперлась руками в косяки, ногой в пол и застучала в дверь второй ногой. Прямо всей сандалией. Громко, размеренно, как в набат.

– Перестань хулиганить! – раздалось из-за двери.

Ага! Раз не выходит, значит, боится.

– Отдайте Маришку!

– Нет у нас никакой Маришки! Я запрещаю девочкам брать чужие игрушки!

Варька застыла, вспомнив Людкино «можно я возьму Маринку поиграть». Ей стало стыдно. Так стыдно! Отдала сест-

ренку, как куклу, как игрушку, как жирафа Йосю. Ф-фу-у!..

Но не им же отдала! И что, сейчас ее им насовсем оставлять, что ли?! Пусть возвращают!

Только она замахнулась ногой, как дверь открылась. Из-за монументальной Ангелины Андреевны в длинном цветастом халате с обеих сторон выглядывали Олька и Катька. Они мотали своими одинаковыми белыми головами и в один голос говорили:

– А Маринки нет!

– Где она? Людка сказала, что тебе отдала. – И Варька ткнула пальцем в Ольку.

– А она домой захотела, но Наташка ее забрала.

– Наташка?! – выдохнула Варька, и у нее округлились глаза.

Ей казалось, что сестренка потерялась совсем, навсегда. И что, Варька так и будет всю жизнь ходить от двери к двери, звонить, стучать, спрашивать. И все время слышать один и тот же ответ: «А Маринки нет», «А ее нет».

Варька не бежала – летела. Как же долго едет лифт! И его двери никак не закрываются. Вот. Восьмой этаж. Запах дерматина. Пухлая дверь. Звонок. Наташка выглянула и говорит шепотом:

– Ну да, я ее еще днем домой отвела. Она пить хотела. Мы поиграли немного, и потом я ушла.

– Угу. – Варька слабо помахала ей и побрела домой.

Если бы она была взрослой, то наказала бы своих родите-

лей: ну, там в угол бы поставила, ремнем перед носом пощелкала для устрашения. Но сначала она бы на-о-ра-ла! Громко и от души.

Она тут бежит вся в мыле, а Маришка, оказывается, дома. Давно! Варька вспомнила самое неприятное слово из всех, которые мама говорит, когда ее ругает, слово, которое пробивает, слово, которое не хочется слышать. Бессовестная!

Бессовестные! Вот кто они такие!

И она побежала. И ворвалась домой. И высказала им все-все. И слышала в ответ:

– А если бы Наташа не привела Маришку? Оставила бы на площадке и ушла. Ведь не она ее сестра. И утром не она увела ее из дома.

И Варькина голова сразу – бряк! – и повисла ниже плеч.

– Поняла?

Вздых.

– Поняла.

– Что поняла?

– Раз я не могу смотреть за Маришкой, то и нечего ее с собой брать на улицу.

Папа вдруг закашлял, отвернулся, плечи его затряслись. Подавился, наверное. Варька побежала к баку с водой – папу поить. Папа попил, вытер слезы и обозвал дочку детективом.

– Кто это?

– Человек такой. Если преступление какое произойдет, украдут что-то или просто пропало, то детектив спрашивает,

ищет, думает и находит. А ты, – папа приобнял дочь и погладил по голове, – провела расследование, нашла пропажу и, – тут он посмотрел на маму внимательно-внимательно, – сделала правильный вывод. Так что ты – настоящий детектив и можешь после школы смело поступать на юридический.

Он снова внимательно посмотрел на маму. А у нее стало непонятное лицо, как у Варьки, когда она заупрямится, «упрется», как говорила мама. И папа тогда обзывал «Варягом» и пел: «Врагу не сдастся наш гордый “Варяг”...»

В общем, за этот вечер Варька много чего поняла.

И то, что она – детектив, и что она может выступать на «ридический» (наверное, там надо с редиской танцевать, только ей зачем?), и что мама тоже иногда – «Варяг», а главное, что она, Варька, так любит Маришку, так любит, что теперь будет всегда-всегда хорошо за ней смотреть.

Потому что быть еще раз детективом в свои почти семь лет она больше не хотела.

Ирина Бабина

Родилась в городе Электростали Московской области. Начала писать стихи еще в начальной школе. В школе была сценаристом и постановщиком творческих музыкальных вечеров. Окончила музыкально-хоровую студию по классу фортепиано. Имеет высшее педагогическое образование. Более 10 лет проработала воспитателем ДОУ, где продолжала писать стихи на разные темы.

Писала сценарии свадеб, юбилеев, которые сама и проводила с большим успехом. Мама троих сыновей, в данный момент занимается воспитанием младшего сына-инвалида. Свободное время посвящает написанию стихов, песен. Принимает участие в различных поэтических и музыкальных конкурсах и проектах.

Неразделенная любовь

Глаза закрою и увижу вновь
Лукавую улыбку на губах —
Ты вежливо отверг мою любовь,
Сказав, что мы на разных берегах.
Как жить теперь? Ведь я тебя люблю!
И в свете солнца, и во тьме ночной
На дне души я боль свою топлю,
Отчаянье, что нет тебя со мной.
Прошу тебя, ты только не злословь!
Для одиноких чувств в душе нет мест —
Умрет неразделенная любовь,
Еще один поставлю в сердце крест.
Ты радуешься жизни в этот час,
Я плачу по несбывшимся мечтам...
Утихнет вскоре боль — не в первый раз,
Спокойно буду спать я по ночам.
Тюль теребя, стучится ветерок —
Сейчас окно открою и впущу!
И, зайчик солнечный, входи скорей, дружок,
Не обращай вниманье, что грушу.
Я знаю, все не вечно, все пройдет.
День завтрашний с улыбкой встречу я,
И засверкает радуга! Но вот
Захочет ли любить душа моя?..

Легенда о лотосе

Жила в Древней Греции юная нимфа,
Красивой, веселой и нежной была,
Плескалась днем в озере дивном и тихом,
Ночами на дне его сладко спала.
И с солнышком вместе она просыпалась,
Смеясь, умывалась лучистой зарей
И грезам любви вся во власть отдавалась:
Красавец Геракл – ее сердца герой!
Мечтала с любимым быть вместе всечасно,
Хотела увлечь за собою на дно.
Увы, но над сердцем чужим мы не властны,
Насильно нам милыми быть не дано.
Однажды ждала его в час предрассветный.
Пришел. Она тихо к нему подплыла.
Взглянула в глаза ему, но безответной
Любовь оказалась – такие дела.
Геракл не заметил несчастную нимфу,
Ушел, разукрасив следами песок.
Застыла красавица в горе безликом
И вдруг превратилась в прекрасный цветок.
Вот вам и любви феерический фокус!
Случилось то тысячелетия назад.
С тех пор дарит всем красоту свою лотос
И сердце волнует его аромат.

«Хотела рядом сильное плечо...»

Хотела рядом сильное плечо
И чтоб постель стелили облака,
В груди стучало сердце горячо,
В беде и в счастье об руку рука.
И чтоб «люблю» не только на словах,
А в каждом вздохе, в действии любом,
И чтоб горел семейный наш очаг
И на мужских плечах держался дом.
Все было, и мне не о чем жалеть,
Лишь об одном: что рано ты ушел.
Дуэтом больше нам с тобой не спеть,
И куст сирени наш давно отцвел.
Плывут в лучистом небе облака,
А сердце каждый миг чего-то ждет.
И на меня оттуда, свысока,
Ты смотришь и ведешь опять вперед.
Одна здесь, но не одинока я,
И пусть с тобой давно не вместе мы,
Со мной моя любимая семья.
И не боюсь холодной я зимы.
Сама в костер подброшу дров сухих,
Свой дом усталым взглядом обведу.
Искала долго я тебя в других,
Да зря – такого больше не найду.
Я вовсе не хочу рубить с плеча,

Молчит душа, я вместе с ней молчу.
Любовь не разменять по мелочам,
И копии любви я не хочу.

«Ах, море! Вчера только было спокойно...»

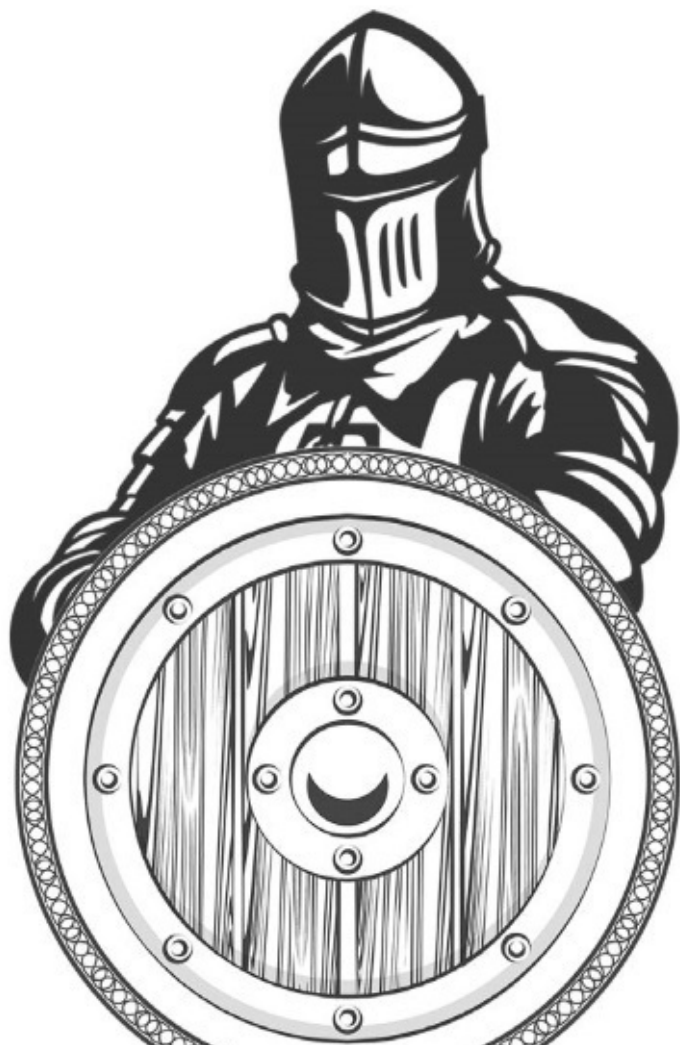
Ах, море! Вчера только было спокойно,
И с небом сливалась лазурная гладь —
Сегодня вздымаются пенные волны,
Взбегают на берег и катятся вспять.
Как бабочки, стайкою брызги взметнутся,
Приятной прохладой лицо освежат,
А волны играючи переплетутся,
До ног доползут и уходят назад.
Рыбешки, медузы попрятались в страхе:
Боятся о берег разбитыми быть.
И только неведом страх старой коряге,
Что лайнером в море мечтает уплыть.
Я вмиг поднимусь на высокую гору,
И где-то внизу пусть останется пляж.
Во всей красоте открывается взору
Бескрайнего моря чудесный пейзаж.
Что ж, море, прощай, мне пора возвращаться.
Не надо, не хмурь свою пенную бровь.
Пришла я сегодня к тебе попрощаться
И кинуть монетку, чтоб встретиться вновь.
И снова на поезд, и снова заботы,
И шум городской, беготня, суета...
Останется в памяти, в сердце, на фото,

В стихах моих, море, твоя красота!

Наталья Белостоцкая

Инженер-авиастроитель, поэт, философ Наталия Фёдоровна Белостоцкая родилась на Севере – в Мурманске, на берегах студеного Баренцева моря, где с отличием оканчивает школу, после чего учится в Ленинградском институте авиационного приборостроения. Защитив на отлично диплом авиационного инженера-механика в ЛИАПе, она трудится на Ленинградском авиационном заводе. Писать стихи начала с 1999 года и за это время сумела подняться от уровня обычного бытового стиха до создания произведений философского содержания. Значительное место в творчестве Наталии Белостоцкой занимают мифы, легенды, притчи, сказки, басни. Является победителем многочисленных поэтических конкурсов. Более подробно с творчеством автора можно познакомиться в интернете: <https://stihi.ru/avtor/belost> и др.

Катти Сарк²

² 21 мая 2007 года в лондонском порту дотла сгорела национальная гордость Англии – знаменитый чайный клипер «Катти Сарк». Он был заказан судовладельцем и капитаном Джоном Виллисом и построен на верфях Дамбартона близ Глазго в 1869 году. Судно было названо в честь ведьмы Нэн из поэмы шотландского поэта Роберта Бернса, позже изображенной на картине, выставленной в лондонском музее. Клипер был предназначен для перевозки чая из Китая в Великобританию.

Часть 1. Нэн – короткая рубашка

Как мало женщин необычных...
Сожгли в Руане Жанну д'Арк³,
Но лондонцы патриотичны
И почитают «Катти Сарк» —
Торговый клипер тот, что ждали
Часами, глядя на Big Ben.
Но раньше Катти Сарк прозвали
Все ведьмы озорную Нэн.
Нэн – ведьма, но не чужестранка,
И помнит каждый джентльмен
Картину: юная шотландка,
Изгиб широких бедер Нэн,
Лукавый взгляд... Она – желанна
В рубашке той, что вышел срок, —
Нэн подросла, и видеть странно
Заманчивость девичьих ног.
В них красота и жизни прочность,
Ступня поместится в ладонь...

³ А шестью веками ранее (30 мая 1431 года) во французском городе Руане была сожжена как ведьма национальная героиня Франции, юная рыцарь-дама Жанна д'Арк, смело возглавившая французские войска, одержавшие под ее командованием серию убедительных побед, приведших к окончанию Столетней войны между Францией и Англией.

А детскость Нэн, как и порочность,
В мужчинах разожжет огонь.
Быть вольной Нэн в любви и неге,
Где страсть прищипривает плоть...
Ну а пока в полете-беге
Летит над кочками болот
Младая ведьма, чувств не пряча,
Как будто бы схватив рукой
За хвост незримую удачу,
Подняв вверх руку над собой...
Рубашки ворот с окантовкой
Поддался страстности: плечо
Он обнажил и грудь чертовки,
Что взгляд упругостью влечет...
Ликует в небе рыжевласка —
Летит на «бал», забыв о зле,
И свой азарт покажет в пляске
В час полнолунья на скале...
Как Нэн крепка, и белогруда,
И, словно парусник, легка!
Летит с надеждою на чудо,
Не дожидаясь ветерка...
И привораживала взоры
Юнцов, не знающих побед,
Картина эта... Очень скоро
О ведьме Нэн узнал весь свет:
В честь ведьмы быстрый клипер флота
Назвали, мнений не страшась,
Чтоб страсть картинного полета

В регатах парусных сбылась.

Часть 2. Джон Виллис

Свои мечты юнцы забыли,
Избрав обыденность взамен.
И лишь один богач Джон Виллис
Оставил в сердце образ Нэн.
Задумав строить клипер новый,
Чтоб удивить английский флот,
Джон, вспомнив Нэн, взял за основу
Ее свободный бег-полет.
И, ничего не замечая,
Джон думал: «Как все воплотить?!
Чтоб к five o'clock с поставкой чая
Мой клипер первым смог прибыть,
Чтоб в чертежах учесть на деле
И страстность Нэн, и пышность форм?!»
О, как хотел судовладелец,
Чтоб клипер плавал даже в шторм,
Ведомый ведьмой и фортуной:
«Ветра для Нэн земли милей...
Мой клипер в беге ведьмы юной
Пройдет по волнам всех морей!
И, такелажа слыша пенье,
Учет все мили звонкий лаг,

Идя навстречу приключениям,
Над “Катти Сарк” взвывается флаг!
Фигура Нэн из древесины
Украсит клипера бушприт...»
На месте греческой богини?!
Но страстный Джон почти пиит.
Упрямство свойственно шотландцам,
Не исключением был и Джон.
И ведьму-клипер в страстном танце
Признал Туманный Альбион.

Часть 3. Бегущая по волнам

Глазел на море люд портовый,
Вкусив всю зыбкость виски «Лэнд»:
«Вон белогрудый клипер новый,
Корма как бедра ведьмы Нэн!»
И начинались разговоры
О гонках лучших клиперов,
Но речи превращались в споры
О гротах, шуме парусов
И о штормах в ночи безлунной,
Когда корабль взят морем в плен.
Но соглашались: «Для Фортуны
Милее нет, чем ведьма Нэн.
Пусть чайный клипер “Фермопилы”

Подобен “Катти”, только он
Морского буйства злые силы
Не мог постичь – не посвящен.
Лишь “Катти Сарк” шторма подвластны,
А может, ведьмы всех морей
Не оставались безучастны
К судьбе любимице своей,
Нэн бескорыстно помогая?!
Кто знает?!» И народ гадал...
И, гонку века вспоминая,
Любой о ней бы рассказал:
«Барометр падал неуклонно
От удушающей жары,
А ветер, чуя напряженность,
Взьерошил парусов вихры,
И лаг звенел, узлы считая,
И в бейдевинд дышал тайфун,
Нэн, “Фермопилы” обгоняя,
Считали: их ведет Нептун.
Но, курс держа, бежала “Катти”
По гребням волн не впопыхах
И сквозь тайфун команды ради,
Преодолев стихии страх,
Живою вышла из сраженья,
Как будто рыцарь на коне,
Имея тяжкое раненье —
Руль оторвало, он на дне.
Тайфун не знает снисхожденья:
Удар нанес огромный вал,

Он, клипер подчинив движенью
Гремящих волн, в воде пропал.
И наступило испытанье,
Людским возможностям предел,
Где мастерство, смекалка, знания
Сплелись, чтоб клипер уцелел.
А он нырял (без управления)
В громады вод и выходил,
Страшась не Смерти, а забвенья, —
Он столько дел не совершил!
А жажду Жизни чем измерить?!
Что в дрейфе клипер сделать мог?!
А волны дрались, словно звери,
За этот лакомый кусок.
Не по зубам! Не тут-то было!
Не положили даже в крен...
Давно пришли в порт “Фермопилы”,
А слава вся досталась Нэн.
Команда справилась с тайфуном —
Руль смастерили моряки,
И Нэн, ведомая Фортуной, —
В порту, стихии вопреки». —
Все разговоры достоверны:
Нэн курс держала в дождь и в зной,
И через все морские тернии
Она летела в порт родной...
На море много раз рискуя,
Но неподвластная штормам,
Нэн-ведьма, по волнам танцуя,

Неслась к заветным берегам
Свободно... Только ветер вольный
Свой гнев обрушивал как вал
На клипер, ведьмой недовольный,
И паруса срывал и рвал,
Как скверный стих поэта – в клочья,
И выл, не могущий кусать.
А моряки сшивали прочно
И подымали паруса.
В шторм капитан, команда, «Катти» —
Живой единый организм,
Где все трудились цели ради,
Забыв про собственную жизнь.
И над командой Дух работы
Летал, как птица альбатрос...
Все брасы, топенанты, шкоты —
Не в тягость, и любой матрос
Стремился к делу приобщиться,
Надеясь отдохнуть в порту.
А ведьма, словно ученица,
Хватала знания на лету,
Легко командам подчиняясь,
Не только ради озорства.
Нэн-ведьма, гребней волн касаясь,
Прошла всю школу мастерства.
И в полный штиль (на загляденье
Другим судам), держа свой галс
По колдовскому дуновенью,
Нэн будто танцевала вальс...

Она – легенда, без сомнения!
На флоте – век почти! Вот стаж!
В морских неистовых лишениях
Она хранила экипаж:
Ни разу не отдав пучине
Ни одного из моряков.
И берегли ее мужчины —
Вот чары колдовства без слов!
Прошла Нэн воду и фанфары...
Азарт движенья солью стерт.
И, став скрипучей ведьмой старой,
Поставлена на отдых в порт...

Часть 4. Костер

Французский порт. Костер и Жанна...
Ее прощальный тихий вздох...
Она в мужском костюме – странно
Для тех времен, и для эпох
Грядущих эта Дева – тайна:
Триумф в сраженьях, и какой!
А все победы – неслучайны —
Ей голос слышался благой...
Осуждена... Несовместимы
Доспехи, девушка и меч...
И был вердикт неоспоримый:

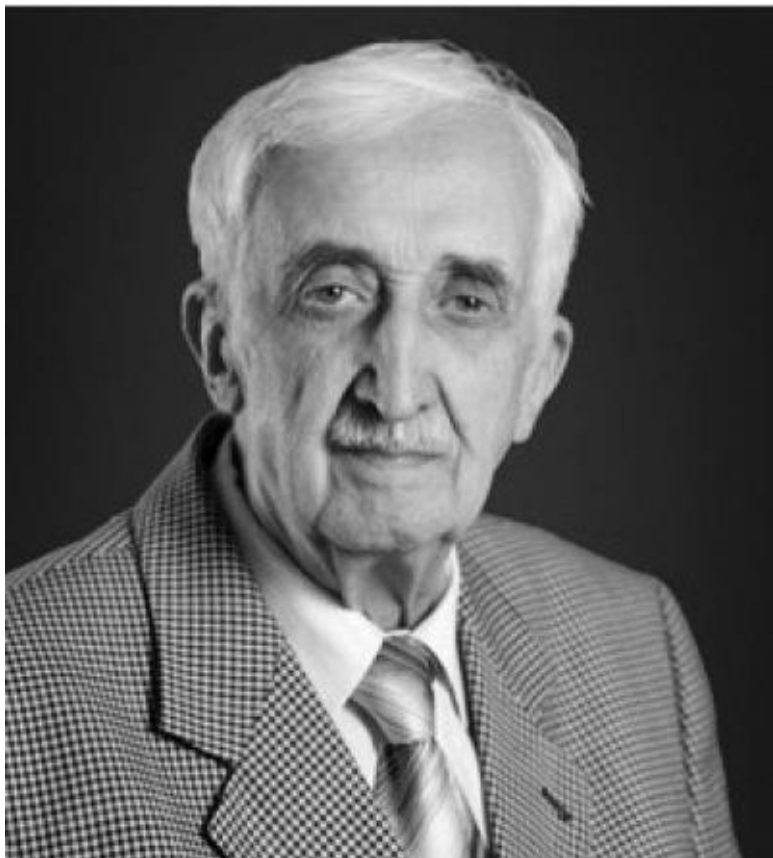
«Ее в огне как ведьму сжечь!»
Неординарность – вот причина
Злословий, что всегда вредны...
Она сражалась, как мужчина,
За независимость страны...
Через столетия забвенья
Она причислена к святым —
Ушли века на осмысленье
Всей связи высшего с земным.
Через огонь прошла и стала
Легендой – рыцарь Жанна д'Арк...

«Вот рыцарь», – Англия сказала,
Построив клипер «Катти Сарк».
А слово «клипер» изначально
Мужского рода. Только он,
Как ни звучит парадоксально,
В честь юной ведьмы наречен.
Пусть Жанне Катти Сарк не пара!
О них мир помнит до сих пор...
В порту английском ад пожара
(Как инквизиции костер)
Схватил легенду в час дремотный,
Борта и трюмы не щадя...
И старый клипер, гордость флота,
Сожгли, как спящее дитя...
Сжечь ведьму... Так не раз бывало...
У Нэн удачу не отнять!

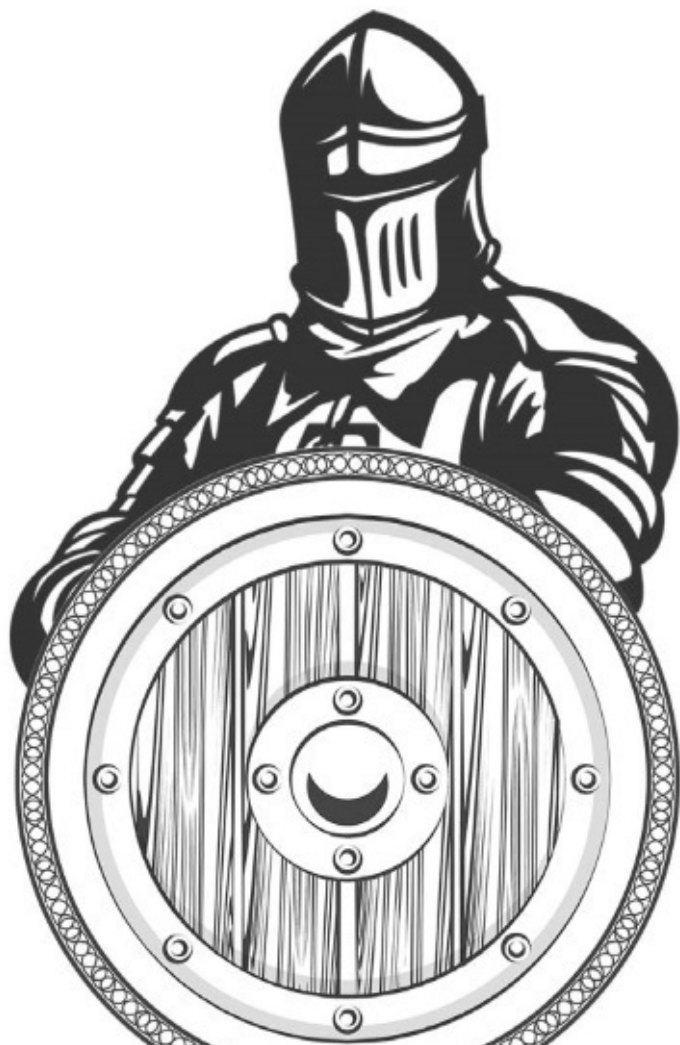
И ведьма Катти Сарк воспряла⁴,
Как птица феникс из огня.

⁴ 2012 г. – год восстановления клипера.

Альфред Бодров

Родился в 1942 году. Получив высшее педагогическое образование, проработал по специальности почти двадцать лет и перешел в СМИ. Литературные пробы начал публиковать в 2018 году. Член Интернационального Союза писателей, драматургов и журналистов России (ИСП), награжден почетной грамотой Союза журналистов Московской области, имеет литературные награды. Выпустил авторские сборники поэзии и прозы, публикуется в Красноярске, Барнауле, Новокузнецке, Волгограде, Костроме, Армавире, Санкт-Петербурге, Москве. Участник коллективных проектов издательства «Четыре», в том числе «Самому себе не лгите», «Человек слова», «Призвание – писатель», «День Победы», «Пушкин жив» и других.

Фаворитка в опале, или Вторая роль Адели

– Сомерсет Моэм утверждает, будто настоящая жизнь на сцене, вернее, за ее кулисами, не за стенами театра. Я берусь утверждать, что сочинитель продемонстрировал полную неосведомленность и невежество в отношении театральной жизни. Я считаю, что за кулисами ведется такое лицедейство, что настоящей жизни за углом театра и не снилось. Однако все же театр остается театром, и он всего лишь отражает настоящую жизнь, имитирует ее, приспособливая к своим внутренним законам.

Я отдала театру тридцать, нет, сорок лучших лет моей жизни, из которых провела на сцене в общей сложности не более десяти лет. Остальное время я была свободна от репертуара. Разумеется, я с полным основанием могу подозревать в этом инициативу главного режиссера. Несмотря на это, я высоко ценю профессионализм и душевные качества его. Подумайте только, труппа в полном составе поставила перед художественным руководителем ультиматум: или я, или коллектив. Главный режиссер выбрал коллектив, выбросив меня на обочину. Но я не в обиде. Конечно, кошки скребли на душе, хотелось удавиться, упиться, но я вовремя одумалась и сказала себе: «Я на обочине, но жизнь продолжается». Я уверена, меня благодетельствовала стриженная овца, при-

глашенная к нам в театр.

Сначала эта девица Сусанна Компанеец прикинулась наивной и невинной лупоглазой девочкой с косичками. Ей надо бы поиграть в куклы, а ее, восемнадцатилетнюю выскочку со второго курса театрального училища, поставили в примадонны, все главные женские роли ей открылись. Курица, она еще нос воротила: это играть буду, а это не буду, это мне подходит, а это не подходит. Молодая, а уже нос задирает. Я на нее потратила столько сил и энергии, чтобы вылепить из нее что-то достойное, а она за моей спиной завела интрижку с главным режиссером. Я ей показала, кто здесь настоящая примадонна. Показать я показала, но за это поплатилась. Эта скромница оказалась в роли постельничей у главного режиссера. У великих князей в Древней Руси была такая холопская должность «постельничий». Княжеские традиции никуда не ушли. Каждый бугорок на ровном месте превращается в некоего князька, он окружает себя виночерпиями, тиунами и постельничими.

Однажды на традиционном рауте после премьеры с моим участием – как оказалось, последней для меня – за спиной «затылком услышала» примечательный разговор гримера Полины с костюмершей Клементиной. До этого момента Полина была моей приятельницей, но в тот вечер я приобрела в ее лице самого злейшего врага. Всю их приятную беседу я не слышала, но услышала концовку. Полина нашептала подруге, чтобы я не узнала о чем-то.

Раут был испорчен. Только в конце вечера мне удалось остановить Полину и, насколько была в силах, спокойно и почти равнодушно поинтересовалась, о чем я не должна узнать. Она пыталась сыграть роль приятельницы, но я видела в ее глазах радостное торжество. После объяснений я поняла причину ее радости. Она поведала, что стриженная овца с косичками, выскочка Сусанна, стала у главного режиссера новой фавориткой.

Странностью мне показалось суждение, что я этого не должна была знать. Действительно, почему я этого не должна была знать? Но оказалось, что дело в другом. Полина мне призналась, что параллельно со мной главный режиссер романился с ней, о чем я не должна была знать. Она торжествовала оттого, что не она одна, но и я за компанию была брошена. После этого я столкнулась с овцой стриженной и шепнула, чтобы не торопилась, потому что ее опередит другая, с набором грима.

Скандал между двумя постельничими фаворитками произошел громкий, пух и перья тогда летели во все стороны. Стекла на окнах банкетного зала звенели, уши заложило от их криков. Я веселилась от души и была отомщена в полной мере. Удивительно, но в центре скандала оказалась не эта овца постельничая, а моя персона. Мне объявили откровенный бойкот – негласный, но ощутимый. Больше всего мне было обидно, что вся труппа смотрела на меня косо и сторонилась меня, будто прокаженной. Какая чудовищная несправедли-

вость! Главреж хорош, четырежды был женат, и ему все было мало, романился с тремя дамочками. Эта овца ему во внучки годилась, так она стала ему постельничей фавориткой номер один, а я – фавориткой в отставке. Ко всему прочему, он был горький выпивоха. Он позволял себе не появляться на репетиции, за него работали штатные и приглашенные режиссеры. Я пыталась проявить инициативу и взять на себя функции художественного руководителя, но труппа меня отвергла, что стало последней каплей терпения у труппы, но я упрямо остаюсь и продолжаю трудиться на благо нашей культуры. Спасибо за внимание и за то, что терпеливо выслушали мой монолог.

После того как Адель завершила рассказ, к свободному микрофону подошла кассирша соседнего театра Кира Моисеенко и обратилась к ней со словами:

– Адель, спасибо вам за встречу и искренность. Здесь собрались ваши поклонники, которые помнят и любят вас, высоко ценят ваше искусство. Порадуйте нас, пожалуйста, романсом, который вы сочинили.

– Забудьте Адель, эти афишки ушли в прошлое. Теперь я Аделина Клавдиевна Кумпанина. В минувшем году я побывала в Крыму и попала на джазовый фестиваль в Коктебеле. Там познакомилась с одним безвестным автором. Он мне предложил прочитать его стихотворные строки. Я бего просмотрела листок, проба пера мне показалась достойной для слушателей. Без репетиций, экспромтом я вышла на

подиум. Ансамбль оказался талантливым, он подхватил ритмику стиха. Мелодекламация под ноктюрн «Гарлем» произвела фурор. В завершение нашей встречи с удовольствием его спою под мой аккомпанемент за роялем. Я назвала его «Романсом покинутой фаворитки».

*В безумстве страстном я грешила,
Прощенья Неба я просила.
В ответ мерцали звезды мне,
В ночной теряясь тишине.*

*В безумстве Небу я молилась,
И в страсти к Богу я стремилась.
Мне тихо Ангел гимны пел —
Он испытать меня хотел.*

*Хвалу я Богу возносила
И о спасении молила.
Но глухо Небо надо мной,
Хоть обливалась я слезой.*

*И я грешила пред Тобою,
О Небо, сжалься надо мною.
Как терпеливы Небеса —
Я буду Богом прощена.*

Помощник режиссера в телестудии предупредил Аделину, что передача «Фаворит» выйдет в эфир через три дня. По окончании записи передачи Кира Моисеенко ожидала актрису в холле, у выхода на улицу, подошла к ней и спросила:

– Адель Клавдиевна, скажите пожалуйста, интриганка – это ваша вторая роль?

Побелевшая от возмущения Адель спросила дрожащими губами:

– Я никогда не была интриганкой и терпеть не могу интриганов. Вы сказали «вторая роль», но что вы называете моей первой ролью?

– Постельничая.

В ответ послышалась хлесткая пощечина.

Через три дня актриса получила извещение от руководства телеканала «Стрелец», что не представляется возможным выход в эфир передачи «Фаворит» с ее участием, так как в своем выступлении она дискредитировала отечественную культуру, допустив клевету на художественного руководителя театра «Колизеум» Генриха Ароновича Казиминова.

Пока директор театра «Колизеум» Дилияра Шаломовна, она же четвертая жена художественного руководителя и главного режиссера того же театра, проводила отпуск на курортах Анталии в компании молодого любовника, ее супруг уходил из жизни на руках Киры Моисеенко. Медики констатировали сердечную недостаточность.

Николай Будаев

Родился 24 декабря 1964 года в поселке Стройкерамика Волжского района Самарской области. Окончил педагогический институт по специальности «учитель физкультуры». В настоящее время работает водителем погрузчика на заводе «Балтика».

Поэзия – скорее увлечение, хобби. Писать стихи начал со школы, для себя... Сейчас, по-видимому, созрел для выхода в свет. Мечтает о собственном сборнике. Пишет как дышит, обо всем, что волнует и тревожит... Особенно близки темы любви, природы и Родины. Постоянно совершенствуется. Печатался во многих коллективных сборниках и альманахах. Номинант премии «Поэт года» (2018, 2019). Принят в Союз писателей России.

«Татьяна! Милое создание!...»

Татьяна! Милое создание!
Поклон с письмом отдать спешу!
Ответа вовсе не прошу
На Богом данные страдания,
Души в которых трепетанье
Да зрелой поступи шаги...
Неужто Вы забыли крайность,
Когда мы были так близки,
В речах тонули без тоски,
Виня в оказии случайность
Да сердца вольного биенье?..
И я, отбросив все сомненья,
Хочу одной лишь Вам служить,
У Ваших ног смиренным быть
Во власти чувственных деяний...
Мне муки тяжкие в унынье,
Свели на хлад мой резвый взор,
Кабы Ваш томный разговор
Едва коснулся провиденья,
В котором отчасти повинен,
Судьбе шальной наперекор...
О, где же Ваше снисхождение
В пылу невысказанных фраз?
Нет, нет, не жду я умиления
От шарма бегающих глаз,

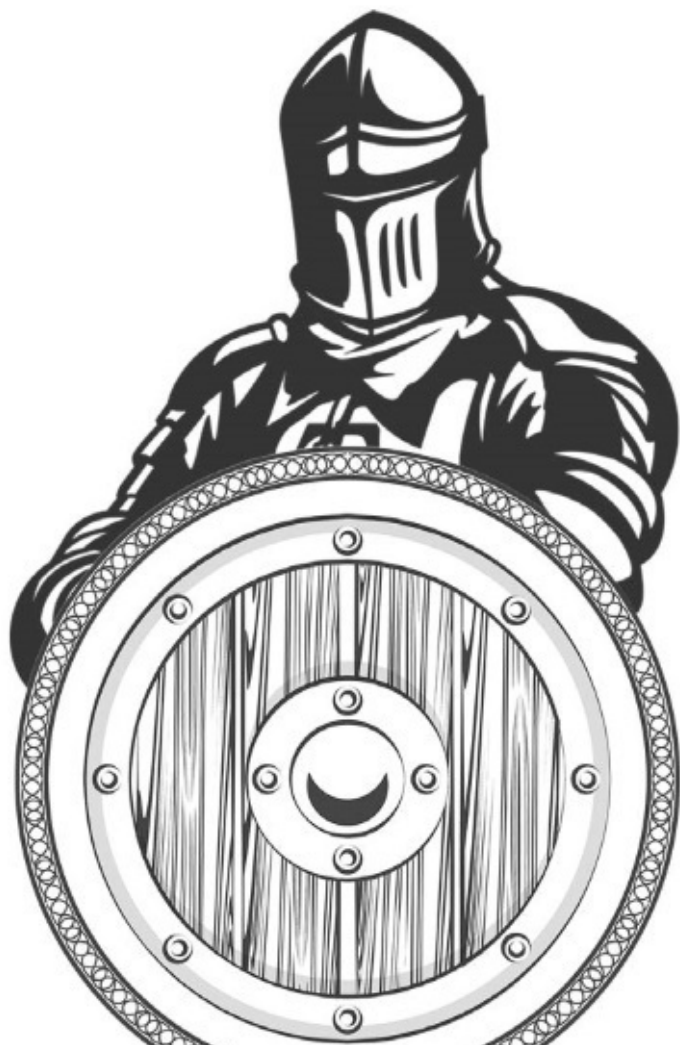
В которых скрытое смущенье
Дает надежде скромной шанс...
Молю, молю о том Творца,
Чтоб наделил умом глупца,
Связав порочные желанья
В одно горячее дыханье...

Шумела роща золотая

Шумела роща золотая,
Бежал ручей чуть вдалеке.
Спешила осень, лист роняя,
Декабрь встретить налегке...
Укутав землю теплым пледом,
Ждала покорно холода.
Когда зима наступит следом,
Начнет морозить гладь пруда...
Устав от ветреных кривляний,
Уйдет куда-то ночью спать.
Не вспомнив давних обещаний:
Нас красотою удивлять!

«Багряная осень рисует сюжеты...»

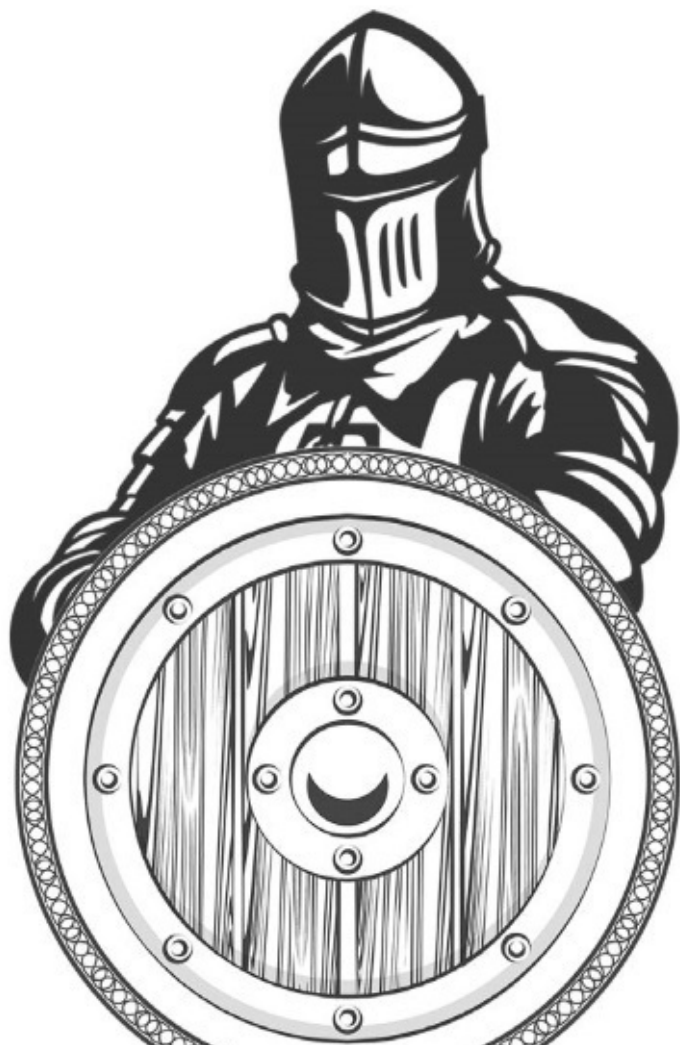
Багряная осень рисует сюжеты,
В которых мы ищем порою себя.
Смущаясь по-детски, не веря в приметы,
В холодный торопимся плен декабря...
А как бы еще окунуться с лихвою
В волшебную сказку закатов хмельных...
Шуршать в унисон золотою листвою
И ждать непременно опять выходных...

Ольга Бурыгина

Живет в Республике Карелия. Является членом Российского союза писателей, литературного клуба «Творчество и потенциал» при издательстве «Четыре», Международного литературно-художественного объединения (МЛХО) «Страна детства». Неоднократно публиковалась в коллективных литературных сборниках. Автор шести книг: «И к закатам сердцем припадаем» (2017), «Над Белым морем летом ночь бела» (Санкт-Петербург, «Бизнес-Остров», 2018), «Из ладоней любви радость пить» (Москва, «Дементьева Алла – ДА», 2019), «Бегут, бегут вагончики...» (Москва, «Возрождению – ДА», 2019), «Смена времен» (Москва, «Новая Страна», 2020), «В океане обыденных дней» (Санкт-Петербург, «Четыре», 2022).

Ночь полярная на убыль

Аппетитно хрустит снег. Солнце пышным караваем
На свет, словно из печи, выкатилось. Уповаем
На тепло – длиннее день, ночь полярная на убыль,
Но январь еще всесилен, молодецкая в нем удаль.
Ватой сахарной сугробы. А на стеклах вензеля —
Стужа расписала окна изморозью. И юля,
Стылый ветер щенком кружит, задирает снегирей —
Стайкой на сосне укрылись и алеют средь ветвей.
Холодна зима, но тонкий вкус имеет. Воплощать
Может разные задумки, чтобы всех очаровать,
Терема из льда построить, иней бросить серебром
И сиреневым сияньем небо всполохнуть. Лучом
Прошить легкие снежинки, сказочный создав сюжет,
Ночкой звездной месяц ясный вдохновит и на сонет,
Щедро снежные забавы дарит детям – выбирать:
Коньки, лыжи и салазки, игры – непочатый край.

Где же март-менестрель?

Так холодно в поле. Унылы⁵
Проталины. Воеет метель...
И дни чередую постыло
Бредут. Где же март-менестрель,
Поющий призывно, красиво
О нежности сердца, любви?
Лишь каркает ворон ворчливо
И дьявольский хохот совы
Доносится. Мрачные тучи
Свисают, и хлопьями снег.
Ну хоть бы единственный лучик
На сером замерзшем сукне
Стежком лег. Но нет, беспросветна
Промозглая хмурая стынь,
И мечется северный ветер,
Разносит безрадостный сплин.

⁵ «Так холодно в поле. Унылы...» – строка А. Ахматовой.

Пока дышу, надеюсь

Ты вернулся в мой сон. Сразу утро
Легким светом пролилось на день.
За окном, розовой перламутра,
Горизонт улыбнулся. И тень
От сомнений, свернувшись котенком,
Беззащитно притихла. Подам
Ей на блюдечке радость с оттенком
Вкуса нежности и по душам
Заведу разговор: «Не мурлыкай,
От сомнений совсем прока нет.
А давай-ка я чай с земляникой
Заварю, жизнь окрасится в цвет
Васильков, алых маков и солнца,
Трав духмяных цветущих полей.
Обязательно счастье вернется,
Знак во сне – для хороших вестей!»

Девочка и мальчик

рассказ

– Ты меня любишь?

– Люблю.

– А как?

– Сильно

– А еще как?

– Нежно.

– А еще?

– Больше жизни.

– А больше жизни – это как?

– А если нет тебя рядом – воздуха не хватает, дышать нечем.

– Так не бывает.

– Бывает.

Девочка спрашивала, а мальчик отвечал. Им было по пятнадцать.

– А как ты думаешь, любовь – это вечное чувство?

– Думаю, да.

– А почему тогда некоторые люди любят многих?

– Любовь бывает одна, остальное – пародия.

– Ты жесток.

– Нет, я справедлив.

– Но ведь люди бывают вместе, а потом вдруг раз – и раз-

бежались.

– Значит, они не нашли своего единственного человека.

– А если один нашел, а другой нет?

– Значит, один будет помнить о другом всю оставшуюся жизнь, растворяясь в чужой любви. А другой будет искать свою любовь дальше, перебирая разные варианты.

– Ты странный.

– Нет, я просто люблю тебя.

Взявшись за руки, девочка и мальчик шли по аллее парка. Светило солнце, щебетали птицы. И кругом было так хорошо!

Интеллигенция

рассказ

Лялька и Марийка были закадычными подружками. Одной пять лет, второй четыре. Из-за разницы в возрасте в детском саду они находились в разных группах. А вечером и в выходные вместе гуляли в своих дворах или приходили друг к другу в гости. Но больше всего они любили прогулки, чтобы отправиться в какое-нибудь путешествие в поисках новых открытий. То им было интересно узнать, куда бежит ручей, или что за жучки живут в трухлявом пне и почему муравьи все время суетятся, а еще любили заглядывать в глубокий колодец и кричать: «Ау-у-у...», дожидаясь ответа гулкового эха.

Один раз устроили себе испытание: по широкой доске подняться на коленках на крышу сарая. Кто эту доску приставил к сараю и зачем, непонятно. Но подружки заметили ее, и тут же зародилась идея покорить недостижимую высоту. Правда, крыши достигла только Лялька и потом, счастливая, смотрела сверху на бегавшую внизу Марийку, которая не решилась подняться. Но зато она могла позвать на помощь родителей, ведь спуститься у Ляльки уже не получалось. Прибежал отец, принес откуда-то лестницу, и Лялька благополучно вернулась на землю.

Марийка была младше, но на голову выше, и у нее бы-

ли сандалии на два размера больше, чем нога у Ляльки. Из-за чего Лялька часто со стороны подружки подвергалась насмешкам: мол, старше меня, а такая маленькая. А еще Марийка иногда называла Ляльку вшивой интеллигенцией. Это потому, что Лялька не могла сказать слово «дурак», когда ее об этом просила Марийка. И всегда это происходило так: Марийка ни с того ни с сего говорила:

– Лялька, скажи «дурак»!

Лялька в ответ молчала. И тогда в ее сторону летело:

– Ты – вшивая интеллигенция!

Лялька продолжала молчать и никогда не жаловалась родителям, как это обычно бывает у других детей. Чуть что – и бегут со слезами к взрослым. Ляльке было жалко Марийку, которую и так часто наказывал отец. Как-то Лялька зашла за Марийкой, а та стояла в углу кухни на коленях. Так наказывали Марийку, и чаще из-за того, что на нее жаловалась младшая сестра, которую в семье любили и баловали, особенно отец. Может, поэтому Лялька не сильно обижалась на свою закадычную подружку за ее насмешки. Но всему бывает предел.

Когда девочки стали школьницами, так случилось, что поселок, в котором они жили, попал под затопление ввиду строительства ГЭС. Их семьи разъехались. Но дружба девочек не прекратилась. Они писали друг другу письма. Иногда на каникулах друг у друга гостили. И вот на новогодних каникулах пришла Лялькина очередь гостить у Марийки. Зима

была снежная, девчонки придумывали разные зимние забавы. Больше всего они любили под пышными сугробами прокладывать ходы навстречу друг другу. Наползавшись вдоволь под снегом, они возвращались в дом счастливые, румяные от мороза, всегда много хохотали.

И вдруг Марийка снова стала просить Ляльку, как в детсадовском возрасте:

– Скажи «дурак»!

Лялька насупилась и ответила:

– Отстань.

Марийка засмеялась и вместо привычного «вшивая интеллигенция» в Ляльку полетело слово «паскуда». Лялька смотрела на Марийку глазами, полными слез, но ни одна слезинка не выкатилась, казалось, они все застыли. Марийка словно не замечала такой перемены в подруге и продолжала смеяться. А Лялька не могла говорить, она еле дошла до прихожей, сняла пальто с вешалки, шапку и вышла во двор, одеваясь на ходу, закрыла за собой калитку и направилась через поселок к автотрассе. Уже выйдя за пределы поселка, она услышала, что за ней с криками бежит Марийка. Но Лялька шла и не поворачивалась. Слезы так и застыли в глазах, внутри было пусто и холодно. И вокруг только белый снег. Так и шли две девочки, закадычные подруги, по автотрассе друг за другом на расстоянии. Поселок уже давно остался позади. А потом Лялька услышала истошный крик Марийки:

– Лялька, если ты не вернешься, меня родители убьют!

Лялька встала как вкопанная, она представила, как Марийку ругают родители, как опять ее ставят в угол на колени, и стало жалко подружку. Лялька села в сугроб, подбежала зареванная Марийка. И тут уже расплакалась и Лялька.

Возвращались девчонки уже со смехом, по дороге чудили. У дома их встретила Марийкина мама и удивленно спросила:

– Вы что такие веселые?

Лялька и Марийка юркнули в калитку, с хохотом забежали в дом. Больше никогда Марийка не называла Ляльку вшивой интеллигенцией, а тем более гнусным и неприятным словом «паскуда», значение которого на тот момент Лялька не знала, но почему-то было очень больно, когда Марийка его произнесла.

Игорь Вайсман

Родился в 1954 году. Живет в г. Уфе. В 1977 году окончил Башкирский государственный университет. Член Российского союза писателей. Пишет прозу, сатиру и публицистику. Печатался в литературном журнале «Бельские просторы», еженедельнике «Истоки», сатирическом журнале «Вилы», Общественной электронной газете Республики Башкортостан, газете «Экономика и мы» и в других СМИ. Рассказы публиковались во многих антологиях современной прозы, изданных в Москве, Санкт-Петербурге, Уфе и других городах РФ. Автор книг «Книговорот», «Постиндустриальная баллада» (изд-во «Десятая муза», Саратов, 2016–2017), публицистического сборника «Может ли Россия стать флагом всего человечества?» (изд-во «Перо», Москва, 2017), «Достоверная история Константиныча, прозванного Антиказановой» (Астрахань, 2021).

Свидание

*Светлой памяти Ирины Добринской,
с которой имел счастье жить в одном городе*

Вечером в новостях сообщили, что в ближайшие дни в Уфе начнутся затяжные дожди, а затем ожидается резкое похолодание. Не исключено выпадение снега.

«Все, дождался! – с досадой подумал Николай. – О чем, спрашивается, думал целое лето?! Откладывал, откладывал... В следующее воскресенье съезжу, нет, обязательно в следующее... Дотянул до белых мух!»

Он тяжело вздохнул и посмотрел на женский портрет в рамочке, стоявший на журнальном столике.

«Вот что, парень, – скомандовал он самому себе. – Завтра еду к Ирине. И ничто, никакие отговорки не принимаются. Пусть хоть термоядерная война разразится».

Проснувшись воскресным утром, Николай первым делом вышел на балкон. Было прохладно. Небо, словно тщательно загрунтованный холст художника, было равномерно окрашено в серый цвет. Казалось, ему не знакомы ни солнце, ни луна, ни облака и оно всегда было вот таким.

Автоматически, по укоренившейся годами привычке, Николай включил репродуктор. Передавали новости. Занятый своими мыслями, он слушал, как говорится, вполуха. Но од-

но сообщение заставило прислушаться: «Две четырнадцатилетние девочки совершили самоубийство, бросившись с моста в реку».

Настроения новость, естественно, не добавила. Но надо было собираться. Наскоро позавтракав, Николай достал из шифоньера костюм-тройку, который надевал только по особым случаям, отчего тот прекрасно сохранился, несмотря на то что был приобретен четверть века назад. Даже стрелки на брюках выглядели словно только что отутюженные.

Вдруг раздался телефонный звонок:

– Здорово, Николай! Как жизнь молодая? – И не дождавшись ответа: – Слушай, мне сегодня мебельную стенку привезут. Не сможешь установить?

– Извини, Володя, но сегодня не смогу.

– Ну вот, а я, брат, очень на тебя рассчитывал. Может, все же выберешь часика три? Я не обижу!

– Не в этом дело, Володя.

– Постой, ты же бываешь свободен по выходным! Я даже запасной вариант не предусмотрел.

– Долго объяснять. В общем, сегодня еду к Ирине.

– А-а, свидание сегодня! Вот уж не ожидал. Расстроил ты меня, брат.

Николай достал из того же шифоньера ботинки, аккуратно помещенные в коробку, как только что купленные. Хотя лет им как и костюму, не меньше. И, несмотря на их превосходный вид, тщательно начистил.

Телефон вновь зазвонил. Николай посмотрел на часы и с большой неохотой взял трубку.

– Привет, Коля! Ты знаешь о том, что сегодня внеочередное заседание нашего клуба?

– Нет.

– Что, рассылку не получил, что ли?

– Компьютер сломался. Мастер придет только завтра.

– Ясно. Так сегодня в четыре часа.

– Слава, – вздохнул Николай, – к сожалению, у меня не получится.

– Как не получится! Вот так активист, едрён корень! Давай не валяй дурака.

– Дело неотложное. Давно собирался, да все откладывал. Но сегодня твердо решил, иначе долго придется ждать.

– Да что случилось-то? – не унимался коллега.

– Еду к Ирине.

– Вот те на! Подругу, что ли, завел? Вот так скромняга, едрён корень!

Николай принял душ, тщательно побрился, надушился... И опять телефон взялся испытывать его терпение.

«Да что они, сегодня с ума посходили, что ли? – не на шутку возмутился он. – То по нескольку дней никто не звонит, а тут сразу все обо мне вспомнили!»

– Слушаю, – недовольно буркнул Николай, как бы давая понять звонившему, что не намерен с ним общаться.

Однако в трубке послышался бодрый, веселый голос:

– Колян, это Костя с Серёгой. Твои кореша по технарю. Как твое «ничего»?

Разговаривать в резких тонах с приятелями, с которыми не виделся лет десять, Николай посчитал неудобным.

– Нормально.

– А мы вот бегаем, справки на пенсию собираем. Ты тоже, поди?

– Собрал уже.

– Молодец! Ты ведь у нас январский?

– Да. Три месяца осталось.

– А Жорке сегодня шесть рублей стукнуло. И по этому поводу... Догадываешься что?

– Догадываюсь. К себе зовет?

– Если бы! Банкет в кабаке заказал. Сегодня в пять часов.

– Мужики, вы меня извините, но сегодня я не смогу.

– Что значит «не смогу»? Давай не обижай юбиляра! У самого юбилей впереди. Короче, откладывай все свои дела. Встречаемся в половине пятого на Гостинке.

– Нет, ребята, отложить не получится.

– Ты давай объясни, что к чему, а я тебе растолкую, что получится и что нет.

– К Ирине я сегодня еду. Ты не знаешь...

– Оба-на! Ну ты даешь, старый хрен! О душе пора задуматься, а он все по бабам.

– Ты меня не так понял.

– Да что тут понимать-то! И неужели нельзя перенести

свидание? Первая любовь, что ли, юношеская? Дрожь в коленках, стихи по ночам?

– Не то ты говоришь. Я слово себе дал сегодня поехать.

– Ну, сам смотри. А Жорка обидится.

Закончив разговор, Николай отключил мобильник, подивившись собственной недогадливости.

На лестничной площадке соседка, одинокая старушка, попросила отремонтировать кран. К счастью, она оказалась более понятливой и согласилась подождать. Лишь бросила напоследок:

– А вырядился-то! У тебя что, сегодня свидание, что ли?

«Не забыть еще купить цветы», – подумал Николай, выходя из дома. Путь из Инорса предстоял неблизкий, с пересадкой на Галле. Всю дорогу он думал только об Ирине. Память щедро оживляла картины их знакомства, совместную работу в одной компании, корпоративы и ссору по его глупости. Сцены были столь яркие, будто случились только вчера.

«Как я мог такое сморозить! – мучился он. – И почему сразу не извинился? Ну что, что мешало? Надеялся на ее отходчивость. Забудет, мол. Хорош джентльмен! Каким же я выглядел в ее глазах? Этого теперь никогда не узнаешь».

Вот наконец и Южное кладбище. Ее могила, как он выяснил, – в самом конце. Николай с волнением, доходящим до дрожи, шел по дороге, шурша опавшими листьями. Привычная городская суeta разом исчезла. И он ощутил вечный покой, возможно подобный тому, что когда-то испытал Иса-

ак Левитан. Лишь крики птиц да шум ветра в оголившихся кронах деревьев нарушали тишину.

«Ну, кажется, дошел. Вот ее сектор». Николай почувствовал, как учащенно забилося сердце. Могила Ирины вся была заставлена венками искусственных цветов. Безвременно ушедшая смотрела на него с портрета спокойным, умиротворенным взглядом Мадонны с картин художников эпохи Возрождения.

«Так вот где ты теперь обитаешь, Ирина! А я всегда был уверен, что ты меня переживешь. Ведь ты источала здоровье и энергию, танцевала, посещала тренажерный зал, была душой всего коллектива. Как же такое могло случиться? Синдром внезапной смерти, – вспомнил он заключение врача. – Случай – один на миллион.

Сколько цветов на могиле! Ты и вправду очень любила цветы. Живые уже пожухли. А венки немного выгорели. Похоже, тебя навещали все лето. Только я пришел в последнюю очередь. Я оказался самым трусливым из всех, кто тебя знал.

Да, я боялся увидеть тебя в таком месте. Оно совсем не вяжется с тобой, самой живой, самой женственной, самой... Это даже представить было невозможно, что я буду посещать твою могилу...

Знаешь, меня всегда пугала мысль, что однажды ты уедешь далеко-далеко, а я так и не узнаю, куда и с кем. И вот ты уехала. Одна. И так далеко, что до Марса ближе...

Как же так, Ирина, я мыслил тебя на вершине земной жиз-

ни, в лучах любви и обожания, а ты лежишь в сырой земле...»

Николай так потом и не вспомнил, сколько простоял возле могилы. Стало вечереть, и он заковылял обратно. Переживания, воспоминания и мысли продолжали тесниться в голове: «Вот говорят: все, что с нами происходит, имеет смысл. Оно нас чему-то учит, чем-то обогащает. Только чем может обогатить смерть самых дорогих и самых достойных людей? И как теперь жить с таким смыслом?

“Надо жить, надо жить” – это такая обязательная установка каждому. “Добровольный отказ от жизни – наитягчайший грех”, – учат святые отцы. А вот ради чего надо жить, они не объясняют. “Такова воля Божья”, – говорят. Ума много не надо, чтобы так ответить. А вывод получается такой: жить порой приходится вопреки душевному состоянию, несовместимому с жизнью. “Назло надменному соседу”.

А еще говорят, что прошлым жить нельзя. Я всегда прислушивался к этому совету. Только теперь прошлым стала Ирина. Что же получается? О ней стоит забыть и жить другими? Может, еще и втрескаться в какую-нибудь?!

Что-то недодумали великие мудрецы».

Николай не стал дожидаться автобуса и пошел пешком. Вечный кладбищенский покой вновь сменился грохотом машин на автостраде. Но от этого характер его переживаний не изменился. Проходя по Затонской улице, он то и дело замечал, как веселы и беспечны прохожие. Они громко разгова-

ривали по сотовым телефонам, перебрасывались плоскими шуточками, выясняли какие-то мелкие дразги и бросали вокруг окурки и обертки от угощений.

«Вот еще, – вспомнил он разговор со святым отцом, состоявшийся этим летом, – священнослужители учат, что мертвые (на том свете) должны жить ради живых. Стало быть, Ирина – идеал женщины, кем восхищались все знавшие ее независимо от пола и возраста, – должна жить ради вот этих убожеств, которым даже к урне трудно подойти?! Помогать им побольше жрать и успешнее освобождать кишечник?»

Николай вдруг почувствовал, что этот привычный мир с его бесконечными мелкими хлопотами, пошлой бытовухой, напрочь забивающей все мысли, с заземленными стремлениями стал ему чужд. И по большому счету его ничего уже здесь не удерживает.

«Что я тут вообще делаю?» – спросил он у самого себя.

Так в раздумьях Николай дошел до моста через реку. И когда достиг его середины, вдруг остановился, подошел к ограде и посмотрел вниз. Река, словно в насмешку названная Белой, медленно несла свои мутные безжизненные воды, больше похожие на навозную жижу. Мрачные строения на правом берегу и упокоившийся навсегда речной порт только усилили депрессию.

«А не очень-то красивый мир мы создали, чтобы цепляться за него что есть сил, – подумал Николай. – Если бросить-

ся вниз, шансов – никаких», – решил он, осознав, что мысль о самоубийстве никогда прежде не приходила ему в голову.

Тут что-то заставило его повернуть голову. В нескольких метрах от себя Николай увидел девчонку-подростка, которая вдруг перемахнула через ограду моста и замерла, закрыв глаза.

«Сейчас свершится непоправимое», – пронзила мысль. Мгновение – и он оказался за спиной девочки, крепко схватив ее за плечи.

– Что вы делаете?! – закричала она. – Отпустите меня!

– А что ты задумала? Ну-ка, перелезай обратно!

– Не перелезу! – срывающимся голосом взвизгнула девочка.

– Но я тебя все равно не отпущу. Давай не дури!

– А кто вы такой? Какое вы имеете право мной командовать?

– Я тот, кто оказался поблизости, – отчеканил Николай. – Потому и имею право. Ну, так долго тебя еще уговаривать?

– Сейчас же отпустите! – истерично закричала девочка и попыталась вырваться. – Я не хочу жить! Не хочу!

– Будешь жить!!! – в самое ухо гаркнул ей Николай.

– Зачем?!

– Так надо!

Девчонка попыталась укунить своего спасителя за руку, но не дотянулась.

Решив, что от препирательств толку не будет, Николай

подхватил ее под руки, напрягся и с большим трудом перетащил вырывающуюся, рыдающую истеричку через ограду.

– Отстаньте от меня! – Она стала колотить своего спасителя руками.

Но он крепко удерживал ее.

– Пойдем! – резко скомандовал Николай и повел девочку в город.

– Кто вы такой? Я вас не знаю! Откуда вы взяли на мою голову? – кричала девчонка. – Вы чужой мне, и я вам чужая! Зачем суетесь не в свое дело?

– Заруби себе на носу! – крикнул Николай и сам себе удивился. – Не бывает чужих ни девочек, ни мальчиков, ни зверей, ни птиц, ни деревьев!

– Что?.. – округлила глаза девочка и удивленно посмотрела в глаза мужчине. – Мне никто такого не говорил.

– Так я сказал.

– А кто вы?..

– Твой спаситель. Если хочешь, меня к тебе судьба послала. Она не согласна с твоим решением.

Николай опять удивился собственным словам: «Откуда они исходят? Ведь подобные мысли никогда не приходили мне в голову».

Как бы то ни было, но на девочку они произвели впечатление, она успокоилась и больше не пыталась вырваться.

– Что с тобой такое случилось, что с моста решила прыгнуть? – спросил Николай.

– Меня парень бросил.

– И всего-то! Запомни мои слова: через несколько лет ты назовешь себя дурой за сегодняшний поступок. А парень у тебя еще будет. Лучше этого.

– Откуда вы знаете? Вы что, ясновидящий?

– Да! – отрезал Николай таким убежденным тоном, что чуть сам в это не поверил.

Девочка опять удивленно, внимательно посмотрела ему в глаза. Ее отчаяние сменилось любопытством. Тем временем они дошли до автовокзала.

– Ну что, пойдешь домой? – спросил Николай.

– Да, – тихо ответила присмирившая девочка.

– Ты где живешь-то?

– На Шафиева. Угол с Зорге.

– Давай я тебя провожу.

Прощаясь, он дал девчонке номер своего телефона и взял с нее обещание звонить, если возникнет тяжелая ситуация. Потом посмотрел на часы: «Половина восьмого. Успею еще отремонтировать кран соседке...»

Алина Весенняя

Алина Весенняя – псевдоним автора. Родилась в городке Ровеньки Луганской области. Проживает в городе Одинцово.

Член МГО Союза писателей РФ, член ИСП, автор сборника «Август», лирических историй о любви «Послевкусие», «Лав-стори», лирических сборников «Грани», «Сентябри...», эротической прозы «Любовь – это искусство, а секс – ремесло», «В пабе только женщины», эротического триллера «Господин», сборника мистики «Грани восприятия».

Финалистка конкурса «Поэт года – 2011». Вошла в сборник «100 поэтов 2011 года». Лауреат Литературно-общественной премии «Звёздная строфа» по итогам конкурса МГО СП России «Лучшая книга 2011–2013». Победительница конкурса по итогам публикаций в альманахе «Российский колокол» в номинации «Поэзия».

Чёрное море и немного красной помады

Рождение пурпурного заката
Из чрева белоснежных облаков...
Он ляжет ярко-алою заплатой

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.